

Часть I

Какие они всегда свежие — утренние телевизионные дикторши. И эта тоже — щебечет, как птичка, улыбается с экрана. И макияж, и причесочка... Небось ночь не спала, бедная, чтобы в студию вовремя приехать да всю эту красоту навести. Нет, а в самом деле, интересно, как у них все происходит? Днем они спят, что ли? А на работу по графику выходят, как ночные сторожа, сутки через трое?

Хмыкнув, Бася оторвала взгляд от экрана телевизора и тут же озадачилась другой проблемой — омлет с ветчиной делать или с сыром? Вообще-то Вадим с сыром любит. А Глебка — с ветчиной. Вот и попробуй угоди с завтраком мужу и сыну. Наверное, лучше все-таки с ветчиной. А то получится, что она к Вадиму подлизывается. Он домой заявился в четыре утра, а она — подли-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

зывается. Левую щеку подставляет. На, милый, бей. Ты всю ночь гулял где-то, а я, верная жenuшка, будто не замечаю ничего. С утра, видишь ли, готовлю тебе вкусненькое. А что делать? Такая вот я, хоть униженная и оскорбленная. А мое унижение, может, и горше даже, чем у героинь твоего обожаемого Федора Михайловича, которого ты, милый, так любишь на досуге читать. Даже наверняка — горше.

Рука между тем словно заведенная делала свое дело — взбивала в стеклянной плошке молоко с яйцами. Будто моторчик в нее вставлен был, никак не остановишь. Можно, конечно, и миксер взять, но руки сами попросили работы, чтобы немного успокоиться. Хороший способ, между прочим. Проверенный. Если мучаешься от обиды, надо тут же хвататься за любую домашнюю работу. За одно дело возьмешься, за другое, глядишь, и проходит...

— ...И это событие в нашей жизни замечательно еще и тем, что случилось на пороге миллениума, знаменуя собой...

Голосок дикторши неожиданно зазвенел на высокой восторженной ноте, и Бася обернулась на него удивленно. Ишь, разговорилась! Тихо,

Сладкий хлеб мачехи

красавица, тихо, люди спят еще. И вообще — дался им всем этот миллениум! Слово-то какое космическое, холодом так и обдает. Конец октября на дворе, до нового двухтысячного года еще жить да жить, а они, смотрите, уже захлебнулись восторгами. А в конце декабря от вас чего ждать? Прямо из телевизора к ней сюда, на кухню, выпрыгивать станете?

Омлет она сделала-таки с сыром, как Вадим любит. А что — надо быть последовательной. Если уж завелась в их семейных отношениях достоевщина, то пусть любимый муж от ее смирения настоящий стыд почувствует. Раньше, помнится, точно пробивал, аж до самых печенок. А сейчас... Хотя — ладно, лучше не думать о том, что с Вадимом происходит сейчас. Надо идти, будить его. Уже половина девятого.

Она бесшумной легкой тенью порхнула через гостиную, потянула на себя тяжелую дверь в спальню, тихо приблизилась к широкому супружескому ложу. Вадим спал, разметавшись по нему, дышал тяжело, со свистом, как простуженный ребенок. Бася вздохнула, постояла над ним в задумчивости, в который раз пытаюсь найти ответ на вопрос, давно ставший для нее рито-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

рическим — ну что, что женщины в нем находят? Что есть в ее муже такое, чего в других нет? Вроде излишним сексуальным рвением природа его не одарила — ей ли не знать, жена все-таки. Тем более к отряду подобных героев-победителей он и сам себя никогда не относил. А при случае очень любил ввернуть фразу про конфронтацию интеллекта и гиперсексуальности — вроде того, что вещи эти природа так и не научилась совмещать в отдельно взятом человеческом организме. Тогда — что они в нем находят? Этот самый пресловутый интеллект, что ли? Да мало ли на свете мужчин, у которых этого интеллекта — завались, хоть новый «Капитал» пиши, однако никакого женского сверхвнимания к их персоне и близко нет.

Хотя, если честно... Чего уж лукавить — знает, знает она ответ на этот вопрос. Конечно же, знает. Есть в ее Вадиме, помимо импозантности, нечто такое, чего у других днем с огнем не сыщешь. Это нечто — как теплый дурмящий ветер, как завораживающая мелодия. Одним словом, харизма, которая с годами только крепчает, как хороший коньяк. Должно получилось, но точно. А если подмешать к этому немного веселого цинизма

Сладкий хлеб мачехи

да легкой насмешливости, да педантичное стремление к свежим рубашкам и вычищенной до блеска обуви, да запах дорогой туалетной воды — вот вам и вся разгадка этой харизмы. По сути — ничего особенного. А для женщин — как яркий свет для мотыльков. Летишь на него, ни о чем не думаешь. И она так же прилетела когда-то...

Кстати, надо рассказать ему, что он свистит во сне. Не храпит, а именно свистит. Может, от этого знания импозантности-то поубавится немного...

Видимо, ее короткая, но злая мысль каким-то образом долетела до спящего сознания Вадима, и в следующую секунду сонный свист неожиданно прекратился, сменившись коротким резким всхрапом. Таким громким, что она вздрогнула. Вздрогнул и Вадим, просыпаясь. Поднял слегка оплывшее лицо от подушки, потер ладонью глаза. Потом глянул на нее коротко, с плохо скрываемой досадой, тяжело вздохнул, нехотя поднялся с постели. Что ж, понятно. Значит, капризничать будем. Достоевщина, значит, с утра отменяется.

— Где мой халат, Бася? Почему ты все время уносишь из спальни мой халат? Я что, должен все утро заниматься его поисками, по-твоему?

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Да вон твой халат, успокойся...

Она протянула руку в сторону пуфика, где лежал Вадимов халат. Чистый, наглаженный, аккуратно свернутый.

— Хм... Откуда я должен знать, что это халат? И что за маргинальное выражение ты сейчас употребила — успокойся? Это что, сленг такой?

— Почему — сленг? Все так говорят...

— Нет. К счастью, не все так говорят. А нормально развернуть его нельзя было?

— Зачем?

— О господи...

Вяло махнув в ее сторону рукой, Вадим потянулся к халату, встряхнул его почти с остервенением, так, что он развернулся воротом вниз. Бася сунулась было ему помочь, но наткнулась на его сердито выставленный локоть — отстань, мол. Да еще и рукав халата, когда Вадим развернул его, чтобы набросить на плечи, обидно прилетел ей в лицо. Будто оплеуху дал. Нет, для утренних капризов — это уже перебор...

— Вадим! Я не понимаю — на что ты злишься? Ты еще проснуться не успел, а уже злишься!

Сладкий хлеб мачехи

— С чего ты взяла, что я злюсь? Я спокоен, как никогда. Ты же мне посоветовала успокоиться, вот я и спокоен.

— Послушай, Вадим... Я не понимаю, что происходит! Я... я просто теряюсь, когда ты такой... По-моему, я ни в чем перед тобой не виновата. Ты же сам... Ты же только под утро пришел... А ведешь себя так, будто это я...

Завязав пояс, он развернулся к ней медленно, глянул с досадой. Очень обидно глянул. Потому что не было в его взгляде ни капли вины, а только эта досада и холодное изумление. И стало совершенно ясно, что со слезами не совладать. Они и без того уже наготове были. Вот и подбородок задрожал, и в носу защекотало...

— О боже... Только вот слез с утра не надо, прошу тебя! — страдальчески выставил Вадим впереди себя ладонь, отвел взгляд от ее лица. — Ты же знаешь, я не выношу! У меня очень трудный день впереди, прошу тебя, пожалуйста! Давай семейные сцены на потом отложим, если уж они тебе так необходимы! Я вечером приду, и ты поплачешь и покричишь сколько тебе угодно.

— Не надо так, Вадим... И вовсе я не собираюсь сцены устраивать...

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— И правильно. И не надо. Потому что плакать ты совершенно не умеешь. А если не умеешь, то и не берись. Женские слезы — это в своем роде искусство, знаешь ли. Плакать тоже надо уметь красиво. А ты... ты посмотри на себя — расквасилась, как последняя нюня.

— Как умею, так и плачу! Я ж не актриса, я обыкновенная женщина...

— Да. Ты действительно — не актриса. Ты всего лишь домохозяйка. И не надо стараться копировать свою знаменитую тезку, тебе до той полячки ой как далеко!

— Да никого я не копирую!

— Не будь смешной, милая... Копируешь, еще как копируешь.

— Но ты же сам! Ты же сам про это сходство только и говоришь! Ты же мне твердил всегда, что я на нее очень похожа, что тебя это ужасно заводит!

— Ну что ж, было дело, не отрицаю... — хмыкнул Вадим, скользнув по ней оценивающим и уже совсем не досадливым взглядом. — Внешнее сходство с той актрисой у тебя определенно имеется, этого, как говорится, не отнимешь... Но, повторяю, ты совершенно зря стремишься

Сладкий хлеб мачехи

использовать ее манеры, тебе до нее далеко! У тебя... экстерьер не тот. Сходство есть, а изюминки нет... Интересно, отчего это твоей маме вздумалось в свое время назвать тебя Барбарой? Для тех времен — имя вообще экзотическое. Надо же думать про последствия, когда даешь имя ребенку...

Он вздохнул и замолчал, будто искренне огорчился отсутствием в жене той самой изюминки, отделяющей ее от киношного образа. Бася тоже молчала, стояла, зажав нос дрожащими пальцами, пытаясь удержать рвущиеся наружу судорожные всхлипы. Нет, не удержать... Знала она за собой такой грешок — если уж скопилось внутри унижение, обязательно слезами наружу вырвется. Такое вот свойство организма. Плохое, наверное. У других унижение вызывает правильные эмоции от взрыва ущемленного достоинства к ярости и гневу, а у некоторых и до рукоприкладства, бывает, доходит, а у нее — только слезы. И вот в чем парадокс! Ладно бы, организм этими слезами от чувства унижения освободился — так нет ведь. Все там, внутри, остается. А это плохой признак. Потому что накопление обиды ни к чему хорошему в семейных отношениях в принципе привести не может.

ВЕРА КОЛОЧКОВА

Снова громко всхлипнув, она вдохнула в себя воздух с жалким писком. Вадим, будто очнувшись, посмотрел на нее с удивленной досадой, даже головой мотнул слегка, изображая, очевидно, что-то вроде запоздалого вежливого раскаяния. Потом ласково дотронулся до ее плеча:

— Ладно, ладно, прости. Ты права — я действительно виноват. Надо было позвонить с вечера, предупредить, что вернусь поздно.

— Четыре утра — это поздно? По-моему — это рано. Ты вернулся рано утром, Вадим.

— Ладно, не придирайся к словам. Скажи лучше — который час?

— Половина... де...девятого... — снова сильно всхлипнув, тихо прошептала она.

— Сколько?!

— Половина девятого.

— Как — половина девятого? Не может быть! Бася, черт тебя подери, почему ты меня не разбудила?

— Так я подумала... Если в семь часов разбужу, ты не выспишься... Сам же говоришь — день трудный...

— А я тебя что, просил об этом думать? Я же сто раз просил тебя — будить меня по

Сладкий хлеб мачехи

утрам в одно и то же время! В семь часов, и не позже!

— Извини. Я хотела как лучше.

— А не надо хотеть как лучше! Не надо делать того, о чем тебя не просят! У меня сегодня, между прочим, на девять часов совещание с проектировщиками назначено... А где мой мобильник? Бася, черт тебя подери, куда ты унесла мой мобильник?!

— Да не видела я твоего мобильного... Говорю же, ты пришел под утро, и я...

— Бася, про утро я уже слышал. Мне достаточно одного раза. Надеюсь, ты не собираешься мне именно сейчас еще и ревнивую истерику закатить? Если собираешься, то давай быстрее, у меня времени в обрез...

Все это он произнес раздраженной скороговоркой, ощупывая карманы висящего на стуле пиджака. Потом вскинул на нее злые глаза:

— Ну давай, чего ты замолчала? Ревнивая истерика будет?

— Нет. Не будет. Ты же знаешь, зачем спрашиваешь? По-моему, я ни разу...

— Да знаю, знаю... — перебил он ее, извлекая из внутреннего кармана мобильник и торопли-